

Рассматриваемые элементы погребального обряда, совершенно чуждые для черняховских племен лесостепи, находят весьма яркие аналогии в скифо-сарматском мире, что отмечается всеми исследователями, занимавшимися этим вопросом⁹⁷. Особенно интересно наблюдение М. Б. Шукина над поздней группой погребений Николаевки-Казачьей, которую и он, и Э. А. Сымонович относят ко времени существования черняховской культуры⁹⁸. Здесь инвентарь и керамика соответствуют представлениям о черняховской культуре, а обряд погребения, включая конструкцию могил, восходит к более ранней группе захоронений этого могильника и находит себе аналогии в Золотой Балке⁹⁹.

История выявления культурных элементов нечерняховского происхождения в степных могильниках типа полей погребений будет неполной, если не учитывать высказывавшееся М. А. Тихановой и Г. Б. Федоровым мнение о возможности готского происхождения ряда признаков. М. А. Тиханова вообще считает черняховскую культуру изначально германской и не исключает сохранения у ее носителей в течение длительного времени германских черт¹⁰⁰. Г. Б. Федоров особо подчеркнул наличие на нижнеднепровских могильниках каменных конструкций и допускал, что ряд памятников в этом районе мог принадлежать готам¹⁰¹. В настоящее время возможность проверки этой гипотезы значительно расширилась, так как стали известны новые многочисленные погребения с каменными конструкциями.

Все приведенные наблюдения при изучении степных могильников, как и при анализе керамики, требуют обратить особое внимание на их отличие от эталонных могильников лесостепи. Иначе их истинный облик ускользнет от исследователя. Кроме того, необходимо не только накопление нового материала, но и полная публикация уже имеющегося, так как без этого серьезное обсуждение вопроса невозможно.

Изучение по материалам памятников степи остальных элементов критерия культурной принадлежности (бытовых предметов, украшений и орнаментов) находится пока в зачаточном состоянии. Многие предметы, характерные для черняховской культуры (костяные гребни, стеклянные кубки, фибулы определенных типов), на памятниках представлены. Не доценивать значения этих находок не следует, так как они действительно входят в черняховский комплекс. Однако не следует забывать и того, что все эти вещи провинциально-римского типа и могут присутствовать не только на черняховских памятниках. Изучение орнаментов, возможное пока исключительно по керамике, на материалах всей степной зоны пока не осуществлено. А оно было бы перспективно, так как орнамент на керамике лесостепных памятников уже специально исследовался¹⁰² и поэтому имеется широкая возможность сопоставления.

⁹⁷ Э. А. Сымонович. Памятники черняховской культуры степного Поднепровья, с. 312; М. А. Тиханова. Локальные варианты..., с. 177.

⁹⁸ М. Б. Шукин. К истории Нижнего Поднепровья..., с. 61; Э. А. Сымонович. К вопросу об этнической принадлежности нижнеднепровских памятников рубежа и начала нашей эры. — ЗОАО, т. I (34). Одесса, 1960, с. 159.

⁹⁹ М. Б. Шукин. «Европейская сарматия» и черняховская культура, с. 8; его же. К истории Нижнего Поднепровья..., с. 61.

¹⁰⁰ М. А. Тиханова. Еще раз к вопросу о происхождении черняховской культуры. — КСИА, вып. 121. М., 1970, с. 94.

¹⁰¹ Г. Б. Федоров. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э., с. 95.

¹⁰² Э. А. Сымонович. Орнаментация черняховской керамики. — МИА, № 116. М., 1964.

Таким образом, в степной зоне обнаружено и постепенно вводится в науку огромное количество памятников, синхронных черняховским и имеющих с ними очень много общего, однако их черняховская культурная атрибуция при всей весьма высокой ее вероятности пока не доказана с необходимой степенью строгости и полноты аргументации.

А. А. КРАВЧЕНКО

ЖИЛЫЕ КОМПЛЕКСЫ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО БЕЛГОРОДА

В литературе еще с дореволюционных времен стало привычным связывать археологический памятник в г. Белгороде-Днестровском с античным городом Тирой. Об истории этого памятника после гибели Тиры в IV в. н. э. почти ничего не известно. Сведения письменных источников ограничиваются лишь упоминанием Белгорода в «Списке русских городов дальних и ближних» (конец XIV в.)¹ и обозначением его на морских картах, портуланах, относящихся к началу XIV в., под названием Маврокастрон или Монкастро².

Первые археологические данные о Белгороде были получены при раскопках, проведенных Э. Штерном в 1900 и 1912 гг.³ Раскопки были продолжены в 1919, 1927—1930 гг. румынскими археологами П. Нико-реску и Г. Авакианом.

В результате этих работ установлено, что на развалинах Тиры лежит мощный культурный слой, содержащий богатый археологический материал позднего средневековья, начиная с конца XIII в. Однако исследования были направлены главным образом на изучение античного города и не ставили целью последовательное раскрытие средневековых напластований.

Только с 1945 г. Институтом археологии АН УССР впервые по настоящему началось исследование Белгорода как многослойного памятника⁴. С 1963 г. исследования ведутся Белгород-Тирской экспедицией с участием Одесского археологического и Белгород-Днестровского краеведческого музеев на Центральном раскопе, расположенном на северо-восток и восток от главных ворот средневековой крепости XV в. Исследуемый участок частично перекрыт насыпью гласиса, образовавшейся при сооружении рва вокруг крепости⁵.

На всей свободной от современных построек площади верхний слой сильно нарушен позднейшими вторжениями, достигавшими иногда античных остатков. Поэтому он и содержит разновременный

¹ Полное собрание русских летописей, т. VII. СПб., 1856, с. 240.

² А. Л. Бертъе-Делагард. К вопросу о местонахождении Маврокастро-на «Записки готского топарха». — ЗООИД, т. XXXIII. Одесса, 1919, с. 14—20.

³ Э. Р. Штерн. О последних раскопках в Аккермане. — ЗООИД, т. XXIII, Одесса, 1901, с. 33—61; его же. Раскопки в Аккермане летом 1912 г. — ЗООИД, т. XXXI. Одесса, 1913, с. 92—101.

⁴ Л. Д. Дмитров. Белгород-Днестровська археологічна експедиція. — АП, т. II. К., 1949; его же. Розкопки в м. Белгороді-Дністровському в 1947 р. — АП, т. IV. К., 1952; его же. Основні підсумки Ізмаїльської археологічної експедиції 1949—1950 рр. — АП, т. V. К., 1955; А. І. Фурманська. Розкопки Тіри в 1958 р. — АП, т. XI. К., 1962.

⁵ Ситуационный план приведен в статье И. Б. Клеймана в настоящем сборнике.

материал, относящийся к различным периодам жизни города — современный турецкий (XVI—XVIII вв.), молдавский (XIV—XV вв.), золотоордынский (XIII—XIV вв.) и античный. Строительных остатков, относящихся к какому-либо из названных периодов, в верхнем слое нет, за исключением гласиса.

Под верхним слоем и гласисом залегает мощный слой золотоордынского времени, богато насыщенный вещественными и строительными остатками, которые датируются джучидскими монетами концом XIII и серединой XIV в. По своей мощности и характеру застройки эти строительные остатки могут быть связаны с существованием здесь в это время крупного городского центра.

Мощность культурного слоя, относящегося к XIII—XIV вв., на исследуемой площади достигает в отдельных местах 2—2,5 м. Строительные остатки указанного времени открыты на площади 1,8 тыс. м².

На нескольких участках Центрального раскопа удалось выявить закрытые комплексы, что позволило определить стратиграфию золотоордынского слоя и выделить три строительных периода, последовательно перекрывающих друг друга⁶. Эти данные весьма важны для определения первоначального характера застройки данного участка города и последующей его перепланировки.

К первому строительному периоду относятся самые ранние сооружения, связанные на раскапываемой площади с гончарным производством, ко второму — жилые постройки, к третьему — жилые и хозяйственно-производственные комплексы.

В данной работе нет возможности подробно описывать выявленные строительные остатки, поэтому ограничимся рассмотрением некоторых групп жилых сооружений Белгорода XIII—XIV вв.

Начнем с описания строительных остатков, залежавших непосредственно под верхним слоем и гласисом и относящимся к третьему, последнему, периоду жизни города. Эти остатки представлены жилыми комплексами и небольшими печами, расположенными вне жилищ. Таких печей открыто пять, и только три из них удовлетворительной сохранности (№ 146 и др.). Расположены они на расстоянии 15—30 м друг от друга, две из них находятся рядом.

Печи круглые, овальные или подковообразные в плане (размеры одной из них: внутренний диаметр 1,20—1,25 м, внешний 1,60—1,80, диаметр пода 0,62—0,64, высота каменных стен 0,42—0,46 при толщине 0,18—0,20 м) с куполообразным глинобитным сводом, имеющим сверху горловину. К стенкам с внутренней стороны в трех местах вертикально приставлены три крупных камня (0,1×0,21×0,52 м). Все камни с внутренней стороны сильно обожжены до синевато-красного цвета. На уровне пода имеется вытяжное отверстие со следами легкого обжига, а в некоторых и устье. Все эти печи, как правило, заполнены чистой золой от мягкого топлива. Никаких предметов, указывающих на их назначение, ни в одной из них не было. Сопровождающий материал при их выявлении обычный для данного слоя, состоит из обломков поливной и неполивной керамики XIII—XIV вв., а также античных остатков. Подобные печи уже встречались в 1946 г.⁷, их назначение остается невыясненным и сейчас. По степени обжига внут-

⁶ С. Д. Крижицкий. Стан і завдання археологічних досліджень Тіри-Білгорода. — Вісник АН УРСР, № 7. К., 1972, с. 49—50.

⁷ Л. Д. Дмитров. Білгород-Дністровська археологічна експедиція. — АП, т. II. К., 1949, с. 46, рис. 7, 55—57.

ренних стенок и расположению вне жилищ или других строений можно предположить, что печи имели производственно-хозяйственное значение.

ЖИЛЫЕ КОМПЛЕКСЫ

В результате работы Белгород-Тирской экспедиции на Центральном раскопе открыто более 20 жилых помещений, относящихся ко второму и третьему строительным периодам. Около десяти из них сохранились полностью не только в плане, но и на значительную высоту стен. Особенно хорошей сохранности оказались жилища последнего периода, перекрытые гласисом, который в данном случае сыграл роль консервирующей среды для строительных остатков, оказавшихся под ним. За пределами гласиса строительные остатки значительно повреждены позднейшими вторжениями, тем не менее некоторые наблюдения сделать возможно.

На раскапываемом участке определенной системы в планировке города не прослеживается. Жилые помещения размещались не рядами, как обычно принято для городской застройки, а группами, состоящими из нескольких помещений, поставленных зачастую по разным строительным осям. Между этими группами жилищ проходили вымостки, выложенные из плиточных и бутовых камней, которые также не имели правильных очертаний.

Как показали исследования, строительные остатки золотоордынского времени лежали непосредственно на развалинах позднеантичной Тиры. На данном участке это были каменные оборонительные сооружения, башни, стены, улицы и здания. На них и концентрировались золотоордынские жилища и другие строения. Этим объясняется то, что культурный слой золотоордынского времени насыщен вещественными материалами не только средневековья (XIII—XIV вв.), но и античными.

Среди выявленных в Белгороде жилищ XIII—XIV вв. совершенно четко можно выделить два основных типа: прямоугольные, вытянутые в плане, и многоугольные. В количественном отношении преобладает первый тип. Все открытые на данном участке жилища однокомнатные, за исключением одного, состоящего из двух сообщающихся помещений. Однако, учитывая фрагментность многих из них, не исключено, что их могло быть и больше. Для примера возьмем одну из групп жилищ, расположенную под гласисом вдоль западной границы раскопа и состоящую из пяти прямоугольных в плане жилищ (220, 215, 250, 96, 256), относящихся к третьему строительному периоду (рис. 1).

Наиболее распространенным материалом для строительства сооружений была глина, земля и земляно-каменные забутовки. Широко применялся и камень, который был на месте в большом количестве и даже в обработанном виде (имеются в виду античные кладки, которые иногда использовались, но чаще разрушались с целью выборки камня). Дерево применялось для деревянных конструкций — опорных столбов, перекрытия, различных деталей внутри жилищ и в редких случаях для обшивки стен. Очень редко встречаются отпечатки в глине камыша. Использование кирпича-сырца в жилищном строительстве также редко.

Стены жилищ возводились из камня в сочетании с плотными земляно-каменными забутовками и, как правило, не заглублялись. В одном и том же сооружении использовались различные строительные приемы,

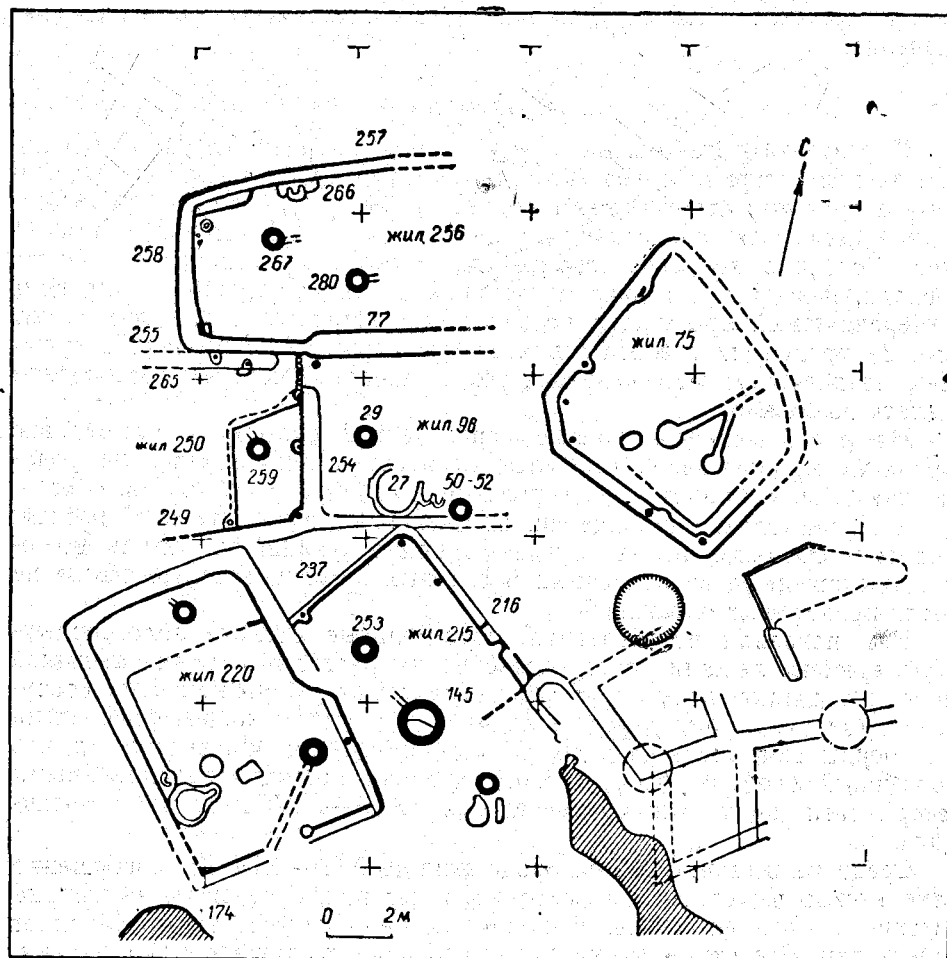

Рис. 1. Группа жилищ золотоордынского времени.

ПРЯМОУГОЛЬНЫЕ, ВЫТЯНУТЫЕ В ПЛАНЕ ЖИЛИЩА

Жилище 220 (1973 г.) представляет в плане вытянутый с северо-запада на юго-восток неправильный прямоугольник (рис. 2, 1; 3). Размеры его по внутреннему контуру 8,1×5,7 м. Две стены — западная (224) и южная (217) — однолищевые, двухслойные, фасадами обращены внутрь, сложены из грубообработанных камней вторичного употребления. Наружный слой состоял из земляно-каменной забутовки. Восточная (222) и северная (232) построены из плотной забутовки, состоящей из земли, мелкого камня и щебня. Стены из такого материала обычно неровные (в данном случае выпуклые на наружную сторону). Стена (222) на стыке с северной образует тупой угол, а с южной — острый. Кладка западной стены сохранилась в высоту на 1,15 м, остальные — примерно на 0,40 м. Ширина стен 0,35—0,40 м. Интерьер этого жилища состоял из суфы, двух полок, двух тандыров и печи.

Следует отметить, что во всех открытых жилищах, как правило, было по несколько тандыров, служивших для обогрева и выпечки хлебных лепешек. Известно, что тандыры широко распространены в Средней Азии и других странах. Белгородские тандыры по конструкции не отличаются от среднеазиатских. Это глиняный сосуд высотой 0,50 м, вставлялся в яму, сделанную в полу так, чтобы устье его выходило на уровень пола⁸. Почти все тандыры в белгородских жилищах имеют у основания отверстие, выходящее в вытяжной канал, находящийся под полом.

Внутри жилища (220) в северной части расположена глинобитная суфа (227). Она примыкает к трем стенам и занимает площадь длиной 5,0—5,3 м и шириной 1,85—2,0 м. Высота от уровня пола жилища 0,25—0,30 м. Передняя стенка суфы сложена из мелких бутовых камней на глиняном растворе. Остальное ее пространство заполнено в основном землей вперемешку с мелкими камнями, а сверху она заливалась глиняным раствором. Пол суфы гладкий, слегка наклонен к центру жилища. Аналогичный прием сооружения суфы встречаем в жилищах Нового Сарая⁹.

Суфа обогревалась при помощи тандыра (229). Его размеры: диаметр устья 0,37 м, дна — 0,65, высота 0,36—0,42 м (рис. 2, 1).

Второй тандыр (223) был расположен в юго-восточной части жилища (высота 0,5 м, диаметр устья 0,55, дна — 0,8 м). Он также имел вытяжной канал под полом, идущий на юго-запад (рис. 2, 1).

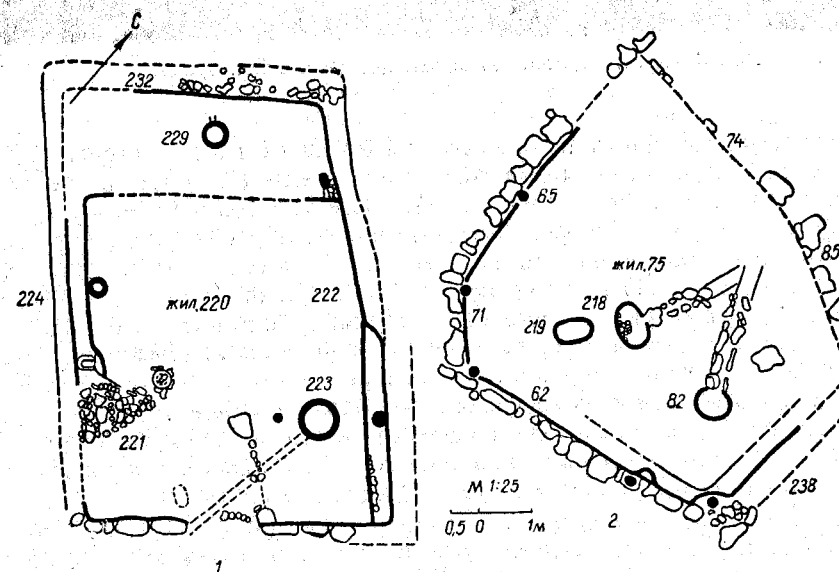

Рис. 2. Прямоугольное, вытянутое в плане жилище 220 и шестиугольное в плане жилище 75.

⁸ М. Г. Рабинович. Исследование средневековых слоев Белгорода-Днестровского в 1954 и 1958 гг. — КСИА, вып. 113. М., 1968, с. 104, рис. 1—2; Л. Д. Дмитров. Розкопки в м. Белгороді-Днестровському в 1947 р., с. 61.

⁹ Г. А. Федоров-Давыдов, И. С. Вайнер, А. Г. Мухамадиев. Археологические исследования Царевского городища (Новый Сарай) в 1959—1966 гг. — МИА, № 164. М., 1970, с. 83.

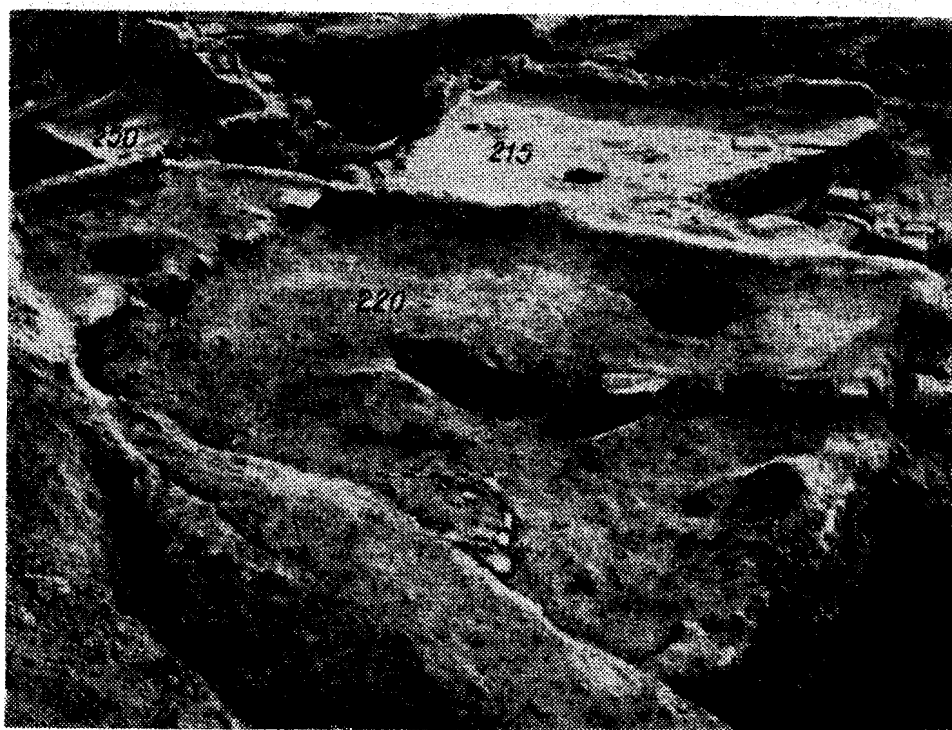

Рис. 3. Жилые комплексы золотоордынского Белгорода.

В юго-западной части на расстоянии 2,2 м от южной стены (217) впритык к западной стене была поставлена печь (221). В плане она имеет грушевидную форму (рис. 2, 1). Стены сложены из бутсового камня на глиняном растворе. Свод глинобитный, с горловиной, под тяжестью засыпи ввалился внутрь печи. Размеры печи: диаметр 1—1,08 м, с устьем 1,35 м, высота стен 0,16—0,2, ширина 0,12—0,16 м. Устье обращено внутрь помещения, к востоку, ширина его 0,30 м. Пол наклонен к устью, по периметру выложен обожженными кирпичами и кусками античной черепицы, в центре — плиточными камнями. Внутри печь сильно закопчена, камни и обломки свода прокалены до красного цвета. Печь была однокамерная и имела, по-видимому, как и в других жилищах, бытовое назначение. Пол в районе печи, перед ее устьем, ниже на 0,15—0,20 м пола жилища.

Вдоль двух противоположных стен — западной (224) и восточной (222) — были устроены глинобитные полки типа лавок. Западная расположена между суфой и печью. Длина ее 3,6 м, ширина 0,4, высота 0,30—0,40 м. В южном конце полки был глиняный необожженный сосуд, имеющий полусферические стенки и подковообразную в плане форму. Высота его 0,16 м, ширина 0,23×0,35, ширина устья 0,20 м. Никаких следов действия огня в отличие от таких же устройств в других жилищах не обнаружено. Они служили обычно как очажки, напоминающие казанки для приготовления пищи. Рядом стоящая печь, очевидно, исключала использование его по такому назначению.

Вторая полка сделана в виде ниши в южной половине восточной стены (222). Длина ее 3,55—4 м, ширина 0,42—0,52, высота от уров-

ня пола 0,14—0,3 м. Принцип устройства передних стенок у полок такой же, как и у суфы. Этот же прием часто применялся и при возведении стен в жилищах, внутренний фасад которых выкладывался из камней, а наружный, примыкавший к нему, — из земли или земляно-каменной забутовки. Примерно посредине полки обнаружено гнездо от столба с каменным подпятником (диаметр 0,27 м).

Пол глинобитный, горизонтальный, с небольшим уклоном к центру. Возле западной полки в полу было углубление со вставленной в него нижней частью амфоры без дна (диаметр 0,33, глубина 0,25 м), очевидно, хозяйственного назначения.

Все поверхности внутри жилища (пол, стены, полки, суфа) были обмазаны желтой глиной. Стыки между стенами и полом, углы, края полок и суфы закруглены.

Вход в жилище был в южной стене, в средней ее части (рис. 2, 1). Сюда же подходил и вытяжной канал тандыра (223), а с внешней стороны вымостка (174).

Жилище изолированное, но находилось в окружении двух соседних построек такого же типа, примыкающих к нему: с севера жилище 250, с востока жилище 215 (рис. 1).

Жилище 215 (1973—1974 гг.) в плане прямоугольное, неправильной формы, вытянутое по той же оси, что и жилище 220, также однокомнатное, изолированное (рис. 1), но меньше по площади (6,4×5 м) и отличается внутренней планировкой. Жилище ограничено хорошо сохранившимися северной (237) и восточной (216) стенами и частично южной и западной (222). Последняя является общей с помещением 220. Ее конструкцию на месте примыкания к полке-нише (222) не удалось проследить (рис. 1). Наибольшая высота стен 0,43 м (рис. 3).

Внутри жилища 215 было всего два тандыра (253, 145), возможно, использовавшиеся одновременно, и небольшая глинобитная полка-ниша в восточной стене 216 с глиняным очажком. Полка длиной 1,45 м, шириной 0,3—0,35, высотой 0,23—0,25 м. Очажок аналогичный по конструкции описанному в жилище 220, но сильно обожжен.

Возле этой же стенки рядом с полкой было небольшое чашевидное углубление в полу диаметром 0,95 и глубиной 0,15 м, которое использовалось, очевидно, для пищевых отходов, так как в нем были найдены кости птиц, рыба чешуя, скорлупа куриных яиц, мелкие обломки керамики поливной и неполивной, ракушки, мидии, кости животных.

Вход в жилище мог быть только в южной стене, так как в остальных стенах проема не обнаружено и, кроме того, к ним подход с внешней стороны был застресен.

Исходя из направления строительных осей этих двух жилищ (220 и 215), взаимного расположения, использования одной общей стены (222), устройства входа и учитывая некоторое отличие в интерьере, можно предполагать, что они представляли единый жилой комплекс.

Не ясен вопрос об их перекрытии. Было ли оно общее для обоих сооружений или раздельное, сказать трудно. При хорошей сохранности пола и оснований стен гнезда от опорных столбов обнаружены не по всему периметру жилища (рис. 1).

Материал из заполнения этих жилищ, как и в других комплексах XIII—XIV вв., относится к двум периодам жизни города — античному и золотоордынскому. Время бытования жилищ определяется джучидскими монетами, привозной восточной посудой, известной в золотоор-

дынских городах Нижнего Поволжья, и другими материалами. Самый поздний материал относится к XV в., встречается, как правило, в засыпи этих жилищ. Это в основном керамика и монеты молдавского княжества, указывающие на время их засыпи.

Остальные три жилища (250, 256, 96) из описываемой группы в отличие от первых двух имеют противоположное направление строительных осей. Каждое из них вытянуто с запада на восток.

Жилище 250 (1974 г.) было открыто только в восточной части, так как западная находится за пределами границы раскопа (рис. 1). В открытой части оно ограничено тремя стенами. Восточная стена (254) двулещевая, поскольку является общей с соседним жилищем (96). Длина ее 4,95 м, ширина 0,25—0,35, наибольшая высота 1,0 м. Северная (255—77) — трехслойная, двулещевая и является общей для всех трех жилищ (рис. 1). Стена (255—77) раскрыта только на 3,9 м длины, ее ширина 0,6, наибольшая высота 1,5 м. Южная стена (249) неровная, сделана из земляно-каменной забутовки, на стыке с восточной образует тупой угол. Длина 4,1 м, ширина 0,3—0,4, высота 0,5 м. Жилище к западу немного расширяется (5,37 м).

Интерьер состоит из суфы и полки. Суфа расположена в юго-западном углу жилища и имела неправильную прямоугольную форму. Длина ее с севера на юг 3,2 м, ширина 2,2, высота 0,4 м. По двум наружным краям ее сверху были сделаны в глине желобовидные углубления шириной 7—8 см, предназначенные для укладки дровяных бревен, вероятно, для прочности края суфы. Остатки дерева в них прослежены. Интересно отметить, что подобные конструкции в суфах встречаются в жилищах Нового Сарая¹⁰. В суфе был тандыр (259) с вытяжным каналом, идущим под ее полом. На внутренних стенках тандыра прочерчены пересекающиеся линии.

Вдоль северной стены сделана глинобитная полка со вставленным в нее глиняным очажком (265). Очажок сильно обожжен. В отличие от таких очажков в других жилищах имел сбоку миниатюрное дымоходное отверстие, выходившее на поверхность полки. Устье его обращено внутрь помещения и было на полу ограничено полукруглым глиняным валиком (рис. 3). В жилище обнаружено пять гнезд от столбов с каменными подпятниками, расположенными не только по углам, но и посредине стен (рис. 1).

В северном конце восточной стены (254) впервые удалось выявить дверной проем шириной 0,80 м. Деревянные косяки сохранились в высоту 1,03 м в виде древесной трухи, заключенной в глиняную обмазку. Деревянный порог лежал на обработанных прямоугольных плитах (рис. 1).

Выход из этого жилища вел в смежное помещение (96), примыкающее с востока и имевшее с ним один и тот же уровень пола и общую стену 254.

Жилище 96 (1969—1970 гг.) сохранилось плохо. Южная и восточная стены разрушены полностью. Северной границей является стена 77.

Внутри жилища была печь (27), аналогичная по конструкции печи 221 в жилище 220. Рядом с ней стояли глиняные очажки (50—52) и тандыр (29), который в отличие от всех остальных не был заглублен под пол. Размеры жилища могут быть восстановлены приблизительно: с севера на юг — 4,75 м, с востока на запад — 5,5 м (рис. 1). По-

¹⁰ В. Л. Егоров. Жилища Нового Сарая (По материалам исследований 1959—1965 гг.). — МИА, № 164. М., 1970, с. 188.

скольку это жилище с трех сторон окружено постройками, выход из него мог быть только в восточной стене.

Таким образом, два жилища — 250 и 96 — соединены дверным проемом и составляют единый жилой комплекс.

Жилище 256 (1974 г.) примыкает к двум предыдущим с севера, имея с ними общую стену 255—77. Восточная стена разрушена полностью. Остальные три (257, 258, 77) сохранились в высоту от 0,58 до 1,93 м.

Учитывая относительно большую высоту сохранившихся стен, можно предполагать, что они были выведены на полную высоту из тех же материалов — камня и земляно-каменных забутовок. При раскрытии данной группы жилищ нигде не было каких-либо остатков сырцовых кирпичей или других материалов.

Интерьер жилища 256 (6,9×3,75 — 4,5 м) напоминает описанное жилище 215. В нем обнаружено два тандыра (267, 280), действовавших одновременно, и два очажка, расположенные в глинобитной полке (266) длиной 1,38 м, шириной 0,45, высотой 0,25 м, которая примыкала к северной стене 257. С боков она ограничена вертикально поставленными досками, гнезда от которых сохранились в глиняной обмазке у ее основания, а также на стене в высоту на 1,25 м. На участке стены между этими досками были следы закопченности. Это указывает на то, что очажки топились по-черному.

Обмазка стен в жилище состоит из четырех-пяти слоев с хорошо сохранившимися следами побелки. Вход был также в восточной стене, так как ни в одной из остальных проема нет. В жилище обнаружено одно гнездо от столба с каменным подпятником, но вопрос о перекрытии этих трех жилищ не выяснен.

Таким образом, из трех жилищ два соединены дверным проемом, третье изолированное, но связано с ними общей стеной. Все три жилища обращены входом на восток. Своим расположением и внутренней планировкой напоминают ту же картину, что и предыдущие два жилища — 220 и 215. Это позволяет рассматривать их как одно целое, как единый жилой комплекс. Материал из заполнения не выходит за пределы XIV в. Это поливная и неполиванная керамика местного производства, восточная керамика и другие изделия. В засыпи жилища 250 найден клад молдавских монет, которые, как указано выше, относятся ко времени засыпи этих жилищ.

Итак, при рассмотрении прямоугольных, вытянутых в плане жилищ Белгорода XIII—XIV вв. установлено довольно четкое сходство с жилой архитектурой золотоордынского Поволжья, прослеживающееся в форме, размерах, строительных приемах и внутренней планировке.

МНОГОУГОЛЬНЫЕ ЖИЛИЩА

Многоугольных жилищ открыто всего три и относятся они к двум последним строительным периодам.

Стандартной формы они не имеют. Есть среди них одно шестиугольное (75) и два пятиугольных с одной апсидальной стороной. Последние по форме приближаются к прямоугольным, слегка вытянутым в плане. Все три жилища изолированные. Строительный материал и внутренняя планировка не отличаются от описанных выше. Останемся на одном из них.

Шестиугольное жилище 75 расположено к востоку от описанной выше группы прямоугольных жилищ на расстоянии не более 0,5 м.

По своему стратиграфическому положению оно функционировало во втором строительном периоде (рис. 1).

Жилище представляет в плане форму неправильного ромба с двумя срезанными противоположными углами. Стены его составляют шесть прямых отрезков (71 — 1,85 м; 85 — 2,85 м; 65 — 4,7 м; 238 — 3,20 м; 62 — 5,25 м; 74 — 4,35 м). Наибольшая высота их 1,0—1,04 м. Стены однолицевые, двуслойные, фасадами обращены внутрь. Внутри жилища зафиксировано восемь гнезд. Столбы стояли вплотную к стенам и на всю высоту были обмазаны глиной.

В южной части жилища расположены глинобитные полки (рис. 2, 2), идущие вдоль двух соединяющихся под тупым углом стен (62, 238).

В жилище было три тандыра, которые функционировали неодновременно. Первоначально использовались два (218, 219), расположенные рядом. Один из них (218) имел вытяжной канал, идущий на восток. Затем они были засыпаны и замазаны глиной на уровне пола и возле полок был поставлен новый тандыр (82).

Направление вытяжных каналов иногда указывает на расположение входа в жилище (рис. 2, 2). В данном случае вход мог быть в восточной части. Об этом свидетельствует и то, что оно в западной части было заглублено на всю высоту сохранившихся стен (0,8 м), в то время как в восточной части — лишь на 0,2—0,3 м, т. е. выходило на дневную поверхность.

Заглубленность жилищ в Белгороде является исключением и его можно объяснить здесь падением рельефа в восточном направлении.

Жилище было перекрыто насыпью гласиса. В лежащем под гласисом слое и представлявшем собой собственно заполнение жилища материала было очень мало. Обнаружены единичные обломки поливной местной посуды XIII—XIV вв. и античной. Находок более позднего времени, чем XIV в., в нем не было.

Таким образом, многоугольные жилища существуют наряду с прямоугольными и отличаются от них только формой.

Строительные остатки, относящиеся к первому строительному периоду, полностью не раскрыты на исследуемом участке, так как перекрыты сооружениями последующих перестроек, требующих последовательного их раскрытия. Однако выявление здесь четырех гончарных печей дает основание считать, что первоначально этот район города был гончарным¹¹.

Если учесть многочисленные находки поливной и неполивной посуды, полуфабрикатов и брака ее, то, вероятно, не останется сомнений в том, что гончарство в Белгороде XIII—XIV вв. было одной из основных отраслей ремесла. Дальнейшие исследования этого района дадут много интересного и ценного для характеристики городского ремесла в XIII—XIV вв.

Выявление строительных остатков сопровождается вещественными находками. Среди них разнообразные изделия ремесленников: железные и бронзовые гвозди, ножи, наперстки, обработанные кости, бусы и т. д. Но самую многочисленную группу находок составляет продукция гончаров. Она представлена целыми изделиями и обломками поливной и неполивной посуды, амфор и пифосов, крышек для сосудов, светильников, сфероконов и т. д.

Поливная посуда Белгорода отличается высокой техникой испол-

¹¹ А. А. Кравченко. Средневековая гончарная печь в Белгороде-Днестровском. — АО 1968 г. М., 1969, с. 322—324.

нения, большим разнообразием орнаментальных мотивов. Орнамент выполнялся в выемчатой технике и граффито. Широко была распространена подглазурная полихромная роспись красками¹².

В небольшом количестве встречаются в Белгороде поливные и неполивные сосуды со штампованным орнаментом. Эта керамика является, по-видимому, подражанием восточной посуде, находимой в Белгороде в небольшом количестве¹³.

За последние годы в Белгороде собрано значительное количество «красно-желтой ленточной» керамики, в том числе и брак, свидетельствующий о местном ее изготовлении¹⁴. Как показали исследования молдавских археологов, эта керамика появилась в Пруто-Днестровском междуречье на рубеже XIII—XIV вв.¹⁵

Интерес представляют немногочисленные находки керамики, относящиеся к так называемой балкано-дунайской культуре. В основном это обломки горшков, украшенных углубленным волнистым и линейным орнаментом.

Поселения этой культуры появились в Пруто-Днестровском междуречье в конце IX — начале XI в.¹⁶, однако археологические материалы, полученные на поселениях Молдавской ССР, дают более широкие хронологические рамки ее бытования — X—XIV вв.¹⁷

В особую группу выделяется привозная восточная посуда. Ее представляют несколько групп: кашинная керамика с бесцветной и бирюзовой поливой, с черной и полихромной подглазурной росписью, красноглиняная посуда с бирюзовой поливой, неполивная со штампованным орнаментом. Редко встречается китайский селадон. Все эти группы керамики находят себе аналогии в золотоордынских городах Поволжья¹⁸.

Небольшое количество находок составляет сирийско-египетская поливная посуда с росписью люстром и другими красками.

Встречается еще одна группа привозной красноглиняной посуды с росписью кобальтом и марганцем, центр производства которой не определен.

Таким образом, немногочисленные находки привозной посуды, разнообразные по технике производства, свидетельствуют о том, что связи Белгорода в XIII—XIV вв. были обращены на Восток, в золотоордынские города Поволжья.

¹² N. Constantinescu. Contributie la cunoasterea ceramicii bizantine dela Cetatea Alba (Belgorod Dniestrovski). — Studii si cercetari de istorie veche, 2, anul. X, 1959, с. 450, табл. I—III.

¹³ А. Якубовский. К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая-Берке. — Изв. ГАИМК, т. VIII, вып. 2-3, 1931, с. 46—47.

¹⁴ А. И. Фурманська. Розкопки Тіри в 1958 р. — АП, т. XI. К., 1962, с. 137, рис. 15, 3.

¹⁵ Л. Л. Полевой. Об одной из групп керамики на поселениях XIV в. в Пруто-Днестровском междуречье. — МИАЭ. Кишинев, 1964, с. 182; И. А. Рафалович, Л. Л. Полевой. Раскопки гончарных горнов на поселении Лозово I. — МИАЭ. Кишинев, 1964, с. 243, рис. 2; Л. Л. Полевой. Памятники золотоордынского времени (XIV). — В кн.: Древняя культура Молдавии. Кишинев, 1974, с. 153—155.

¹⁶ Г. Б. Федоров. Древние славяне в Пруто-Днестровском междуречье. — Первый конгресс балканских исследователей (София, 1966). М., 1966, с. 15—18.

¹⁷ И. Г. Хынку. Балкано-дунайская культура лесостепной Молдавии в X—XIV вв. — В кн.: Очерки истории культуры Молдавии. Кишинев, 1971, с. 119—130.

¹⁸ А. Якубовский. Указ. соч., с. 28—39; Н. М. Булатов. К вопросу о становлении керамического ремесла в золотоордынских городах. — Вестник МГУ. № 2, 1962.

Среди археологического материала особое место занимают находки золотоордынских монет. Кроме единичных находок, встречаются в Белгороде клады. В 1970 г. был найден клад из 17 золотоордынских монет¹⁹. За период с 1963 по 1973 г. найдено в раскопе более 50 монет. Большинство из них датированы первой половиной XIV в. Наличие монетного материала в Белгороде наряду с ремесленным производством служит ярким свидетельством высокого развития торговли.

Все изложенные выше археологические данные позволяют отнести возникновение Белгорода к рубежу XIII—XIV вв. Характер его застройки, особенности строительных приемов, а также вещественный материал дают основание включить его в группу памятников золотоордынского времени, возникших в Пруто-Днестровском междуречье²⁰.

Проникновение влияния золотоордынской культуры на юго-западные границы Золотой Орды, в состав которой входили земли Поднепровья²¹, подтверждается также археологическими исследованиями, проводимыми в Пруто-Днестровском междуречье.

Раскопки городских центров XIII—XIV вв. — Старого Орхее и Костешт, расположенных в долинах рек Реута и Ботны (МССР), обнаружили в их культурных остатках много общего с культурой золотоордынского Поволжья²². Белгород среди этих памятников, судя по археологическим остаткам, был одним из крупных приморских ремесленно-торговых центров на юго-западной окраине Золотой Орды.

Строительные остатки XIII—XIV вв. с их специфическими чертами восточного происхождения. Анализ двух характерных для Белгорода групп жилищ показывает, что они не являются продолжением традиций домостроительства местного населения ни по форме и размерам, ни по внутренней планировке и строительнотехническим приемам.

В жилой архитектуре золотоордынского Поволжья и Белгорода много общих черт. Прямоугольные, вытянутые в плане жилища типичны для среднеазиатского домостроительства²³. Другой тип — многоугольные жилища, — вероятно, следует связывать с монгольской оседлой архитектурой. Последние, по мнению исследователей, являются промежуточной ступенью между кочевнической юртой и квадратными постройками²⁴. В Белгороде нет юртообразных построек, которые выявлены в Старом Орхее²⁵. Очевидно, эти типы жилищ происходят из золотоордынского Поволжья²⁶. То же самое можно сказать и о внутренней планировке жилых комплексов, где также наблюдается переплетение среднеазиатской и кочевой монгольской жилой архитектуры.

В Белгороде широко распространены тандыры, известные с древнейших времен в Средней Азии, а в городах Поволжья, кроме танды-

¹⁹ Г. А. Нудельман. Монеты из раскопок и сборов 1972—1973 гг. — Археологические исследования в Молдавии (1973 г.). Кишинев, 1974, с. 199—200.

²⁰ Л. Л. Полевой, П. П. Бырня. Средневековые памятники XIV—XVII вв. — Археологическая карта МССР, вып. 7, гл. I. Кишинев, 1974, с. 5—42.

²¹ Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950, с. 61.

²² Л. Л. Полевой. Городское гончарство Пруто-Днестровья в XIV в. Кишинев, 1969, с. 3—12; П. Ф. Параска. Золотая Орда и образование Молдавского феодального государства. — В кн.: Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев, 1972, с. 185—187.

²³ В. Л. Егоров. Жилища Нового Сарая, с. 175—178.

²⁴ Там же, с. 181.

²⁵ Л. Л. Полевой, П. П. Бырня. Указ. соч., с. 37—38.

²⁶ В. Л. Егоров. Указ. соч., с. 181, 188—189.

ров, использовались и каны для обогрева суфы и жилища в целом²⁷.

Такие же каны обнаружены и в Старом Орхее²⁸. В Белгород суфа привнесена в измененном по форме и отопительному приспособлению виде. Однако назначение ее осталось прежним. Узкие полки вдоль стен, по-видимому, также происходят из кочевнических жилищ²⁹.

Сосуществование двух типов жилищ, связанных происхождением с восточным домостроительством, наряду с вещественными материалами определяют облик культуры Белгорода и сближают ее с культурой городов золотоордынского Поволжья. Несомненно, что это сходство может быть связано с деятельностью пришлового населения, вывозившего золотоордынскими ханами из покоренных стран³⁰.

Обращение джучидских монет в Белгороде определено коротким отрезком времени (первая половина XIV в., в основном до 60-х годов)³¹, что свидетельствует о быстром строительстве города и развитии его экономики. Раскопки показали, что город никакой катастрофы не пережил. Следов крупных пожаров не обнаружено. В жилищах, как правило, очень мало бытовых предметов.

Отсутствие прямых письменных источников о Белгороде золотоордынского времени делает археологические материалы еще более ценными в выяснении исторического прошлого данного памятника.

²⁷ В. Л. Егоров. Указ. соч., с. 185—186.

²⁸ Л. Л. Полевой, П. П. Бырня. Указ. соч., с. 39.

²⁹ В. Л. Егоров. Указ. соч., с. 186.

³⁰ Г. А. Федоров-Давыдов. Культура и общественный быт золотоордынских городов. М., 1964, с. 2—4.

³¹ Л. Л. Полевой. Городское гончарство..., с. 10.